

ность системна, она существует как органическое единство ее различных видов. Системность деятельности хорошо просматривается через факторно-причинную детерминацию. Суть дела такова, что результаты одной деятельности выступают условиями, факторами другой, так что ни один вид деятельности не имеет смысла без других. Потому общество не существует самостоятельно вне людей, оно само постоянно воспроизводится. Зависимость человека от общества – это зависимость человека от деятельности других людей.

Предложенная интерпретация понятия "общество" как системы деятельности людей обнажает другую проблему определения того, что включает в себя людей, мир второй природы, мир знаний. Эта сфера реальности традиционно также называется обществом. Однако такое именование алогично. Алогичность в том, что общество, которое определяется либо как система отношений, либо как результат взаимодействия людей, оказывается элементом общества. Данное противоречие снимается, если мы будем различать общество и социальный мир. Социальный мир – это сфера реальности, включающая в себя людей, мир преобразованной природы, ценностей, знаний, деятельности. Социальный мир включает в себя общество, но не сводится к нему. Социальный мир вряд ли может быть корректно осмыслен в понятиях системного подхода, поскольку последний не учитывает, не предполагает особенностей данного мира. Главной его особенностью является то, что элементы этого мира не взаимодействуют между собой, как того требует системная парадигма. Как мы уже отмечали, все эти факторы замкнуты не человека, он объединяет их в единое целое. Поэтому нет оснований говорить о структуре социального мира, а потому и системном подходе к нему, несмотря на множественность его элементов.

Из концепции социального мира следует, что социальные законы связаны прежде всего с обществом, они представляют собой его специфические системные качества. Этот вид качества опускается из виду традиционной философией, поскольку она ориентирована на качественное описание объектов. Говорят о целостности, устойчивости, саморазвитии системы. Однако при этом забывают, что нет элемента вообще, всякий элемент имеет определенную величину, что система характеризуется определенным количественным соотношением элементов, что плотность этих элементов имеет свою размерность и так далее. Такого рода абстракции делают принципиально невозможным открытие социальных законов, но от этого они не перестают существовать.

А.В.Вишневская
г. Екатеринбург

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ ГЛАЗАМИ РУССКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ

Проблема рациональности в русской философии традиционно рассматривалась как альтернатива западному философствованию. Пристальный взгляд на "их нравы" открыл такие специфически западные проблемы, как мещанство, индивидуализм, разорванность бытия и т.д. И именно из сравнения русских ментальности и образа жизни с европейскими и родилось понимание несхожести двух культур: начиная с

иного темпа жизни и иного исторического времени, заканчивая иной религией, иным мировоззрением, иной душой. Прежде всего русские философы видели фундаментальную несхожесть в том, что для европейской культуры точкой опоры являлось рационализированное индивидуальное сознание, тогда как русская философия противопоставляла ему мистический жизненный опыт, "логизм", всечеловечность, "ответственность всех и за все зло мира" (Ф.М.Достоевский). По замечанию Б. Гройса, само существование русского философствования ставит под сомнение заявку западного мышления на универсальность, на общеобязательную, рациональную истину, поскольку полагает необходимым искать истину не на уровне мышления, а на уровне самой жизни.

Можно сказать вслед за С.Л.Франком, что русское мышление абсолютно антирационально, но этот антирационализм не идентичен иррационализму, т.е. он не влечет за собой "какой-нибудь романтической или лирической размытости, неясности, логической недифференцированности духовной жизни" (1). Русский антирационализм означает лишь его решительную эмпиричность, критерием истины для него всегда выступает в конечном счете опыт. Но опять же опыт не суть нечто внешнее, доступное благодаря чувственному восприятию. Опыт есть "живознание" (И.В.Киреевский), освоение человеческого духом полной действительности самого предмета в его живой целостности. Подлинное знание и жизнь в высшем понимании – одно и то же. Таким образом, мы можем констатировать для начала наличие самобытной национальной русской теории познания, которая на рубеже XIX – XX вв. была совершенно неизвестна западу.

Для западноевропейской философии со времен Декарта и Локка первичным, непосредственным, самоочевидным является не бытие, а всегда только сознание или знание. Бытие в абсолютном смысле либо вообще замещается в сознании его феноменологическими образами, или же выражается посредством передачи знания, т.е. через сознание. Следовательно, западное сознание не укоренено в бытии, а противостоит ему, имеет связь с ним лишь как предметный мир со своим содержанием. Русскому духу путь от "cogito" к "sum" всегда представлялся чем-то искусственным, истинный путь ведет, не через мышление как идеальную связь "я" и "бытия", а, напротив, через их реальное единство. Русская теория познания представляет собой выход за границы познающего субъекта, это, по выражению С.Л. Франка, онтологическая гносеология. В ней сознание – это отношение между познающим субъектом и предметным бытием как таковым. В противоположность рационализму П.Д. Юркевич утверждал: "не древо познания есть древо жизни", лишь целостная душа рождает знание: ум лишь вершина, а не корень духовной жизни человека. Но укорененность человека в стихии жизни, мира, опыта, предполагает познание этого мира и этой жизни не извне, со стороны, а изнутри, через прочитывание символов, скрытых мыслей, тайных движений божественного Слова в различных деталях и событиях этого мира. Непосредственное чувство, что бытие "я" есть именно бытие, что оно принадлежит бытию всеобщему и укореняется в нем, чувство, данное человеку не внешне, а присутствующее в его глубине, которое одновременно объективно, наиндивидуально и

самоочевидно, составляет суть типично русского онтологизма. Таким образом, русская теория познания состоит в теории веры как живого понимания бытия.

Рационалистической установке на универсальную, общеобязательную истину по ту сторону любых различий в жизни и культурной практике "логизм" противопоставляет необходимость искать решение не на уровне мышления, а в самой жизни. Западноевропейская категория истины в русской традиции используется в непередаваемой форме – как "правда". Этот термин может выступать в таких значениях, как обет, заповедь, присяга, закон, договор между человеком и богом. Тогда становится понятным, что "Истина от земли и правда с небеси", как говорится в русской поговорке, переводящей Псалтырь. Истина существует как Логос. Отстаивая свои корни, русские философы вели, "борьбу за Логос": "Логос – это вершина сознания... это живая стихия, в которой личность раскрывается и углубляется... Существо Логоса состоит в его божественности... Вселенная, космос есть раскрытие, откровение изначально сущего Слова. Будучи этим раскрытием и откровением, мир в самых тайных недрах своих "логичен", то есть сообразен и соразмерен Логосу... Логос как начало человеческого познания не есть Логос другой, отличный от Логоса существенно-божественного. Это тот же самый Логос, только в разных степенях осознания" (2).

По В.Ф.Эрну "рационализм" отличают следующие черты: мир воспринимается в категориях "вещи", т.е. количественно, внешне, ибо для него личность иррациональна; схематизм, когда вещь, взятая как чистая категория, есть схема, все существующее сводится к схеме математической, динамической, трансцендентальной, диалектической, рассматриваемое событие или объект есть лишь тень, конструкция жизни и бытия. Наконец, иллюзионизм и меонизм рационализма, полагающий несуществующими Бога, личность, душу и прочие "вещи-в-себе". Меонизм представляет собой онтологический нигилизм, который выражается в том, что из мира извлекается форма (идея, понятие), разум, и мир становится без-умным, лишенным смысла, Логоса, хаосом. Таким образом, меонизм это результат разрыва между сущим и мыслью, между формой и содержанием, явлением и тем, что является и т.д. Это философия внечеловеческая, односторонняя, в то время, как "логизм" объясняет внутреннюю, метафизическую связь человека и мира с Богом, исповедует всесторонний онтологизм.

Однако, говорить об абсолютном противопоставлении русского духа и западноевропейского нет смысла. Эти две культуры имеют родственные связи, которые основываются на общем происхождении – от сплава христианства с духом античности, лишь представляющем различные ответвления от общего ствола. По Хомякову, Европа – "страна святых чудес" в прошлом, но ее тип рациональности наследие романского духа индивидуалистического расщепления. Сегодняшний день показывает нам, что русские мыслители не во всем были неправы, и западная рациональность действительно пересматривает свои прежние границы.

1. Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992, С.475.
2. Эрн В.Ф. Соч. М., 1991. С.291–292.